

О КОНКУРСЕ НА КАФЕДРУ РУССКОГО ЯЗЫКА И РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ В СТАРОМ ВИЛЬНЮССКОМ УНИВЕРСИТЕТЕ

А. КАУПУЖ

Вильнюсский университет издавна был известен в ученом мире, особенно же он прославился как один из главных ученых центров Европы после реформы 1803 года. Профессора университета были связаны творческими контактами с русскими научными учреждениями и с русскими учеными, а также с учеными ряда западноевропейских стран. В списке почетных членов университета находим имена многих выдающихся исследователей того времени: И. Добровского, Н. Карамзина, Б. Копитара, И. Крузенштерна, С. Линде, А. Оленина и др. Кроме того, деятельность ученых Вильнюсского университета способствовала развитию научных контактов между русскими и западноевропейскими исследователями и научными учреждениями¹.

При избрании нового профессора на вакантную кафедру совет университета принимал во внимание не только достоинства оригинальных сочинений претендента, не только его научную осведомленность, о чем можно было судить по конкурсному сочинению, но и степень его известности в ученом мире (даже если эта известность была лишь следствием деятельности будущего профессора по установлению и развитию научных контактов). Как мы увидим ниже, избранию на кафедру русской литературы профессора И. Н. Лобойко во многом способствовали его контакты с рядом ученых, в частности с известным польским лингвистом С. Линде.

Организаторская и просветительская деятельность Лобойко в университете, его научные связи должны быть отмечены особо. Еще до начала своей деятельности в университете он познакомился с С. Б. Линде, Р. Раском, В. Караджичем, а также со многими виднейшими русскими писателями и учеными того времени: Н. М. Карамзиным, В. А. Жуков-

¹ Вопросом о научных контактах ученых прибалтийских университетов, в частности ученых Вильнюсского университета, занимались и занимаются многие исследователи: Я. П. Страдынь [42], З. Кондратас [67], Ю. Х. Копелевич, В. Л. Ченакал, Б. Хмелевский [39, 44], Г. Барыч [58], Ю. Белинский [62]). В кратком очерке об этих контактах Ю. Белинский перечисляет Эдинбургский, Филадельфийский, Лейпцигский, Харьковский, Московский, Петербургский и др. университеты, Петербургскую Академию наук, Парижскую политехническую школу и др. научные общества и учреждения [63], стр. 624].

-ским, И. А. Крыловым, Н. И. Гнедичем, А. Е. Измайловым, П. Кеппеном и др. После приезда в университет в первых же письмах к русским друзьям Лобойко упоминает о своих новых знакомых: И. Лелевеле, М. Бобровском, И. Даниловиче, К. Контрымасае и др. Лобойко вскоре становится связующим звеном между русскими и местными исследователями: он сообщает о новых книгах, высылает издательские каталоги, списки сочинений, подыскивает переводчиков, руководит переводами, пропагандирует русские труды и русскую культуру среди местной интеллигенции.

Приводимый ниже краткий алфавитный обзор научных контактов Лобойко покажет их широту и их преимущественно научно-информационный характер. В различных архивах СССР и ПНР сохранились письма Лобойко к ученым начала XIX века, а также их ответы. Кроме того, в письмах этих можно встретить упоминания о его связях с рядом ученых, переписка с которыми до нас не дошла.

С известным филологом и историком, исследователем источников русской истории, автором работ по сравнению русского языка с санскритом (1811 г.) и о языках мира (1820 г.), Фридрихом Аделунгом (1768—1843) Лобойко был в переписке в двадцатые годы. Судя по сохранившемуся письму Лобойко [34, л. 26, 26-об.], относящемуся к 1823 году, он выполнял отдельные поручения Аделунга, сообщал ему некоторые библиографические данные. О существовании переписки с Аделунгом можно говорить также на основании письма Лобойко к П. Кеппену [8, л. 5].

В Публичной библиотеке им. М. Е. Салтыкова-Щедринна сохранились три письма к Лобойко [22] известного библиографа и журналиста В. Г. Анастасевича (1775—1845), написанные в 1822—1824 годах. Письма эти свидетельствуют, что переписка заключала, по-видимому, прежде всего литературные и научные новости, взаимно сообщаемые корреспондентами.

Общение с эрудированным славистом, большим знатоком старославянского языка М. Бобровским (1784—1848), несомненно, много дало Лобойко. В письмах Лобойко неоднократно упоминает имя Бобровского и открытую им Супрасльскую рукопись, а также рукопись Далмацкой хроники. Осуществление своих научных планов Лобойко в той или иной мере связывал с участием М. Бобровского (издания памятников письма, сочинение о Литве и др.). Из письма Лобойко к П. Кеппену мы узнаем, что Лобойко собирался издать описание книг, привезенных Бобровским из заграничного путешествия [8, л. 3-об., 7, 7-об.]. Лобойко был посредником, помогшим сырьному Бобровскому связаться с петербургскими учеными, в частности, с П. Кеппенем, который принял в судьбе Бобровского большое участие [64, стр. 9]. Из

жировицкой ссылки Бобровский писал Лобойко о своих научных планах в области филологии [64, стр. 59; 43, стр. 326].

Переписка Лобойко с Е. Болховитиновым (1767—1837), известным любителем старины и автором ценных славистических работ [40, 54], была продолжительна и связана с целым рядом обсуждавшихся ими вопросов, а также с взаимной информацией о книгах. В архиве АН СССР сохранились четыре письма Болховитинова, адресованные Лобойко [1]. Одно письмо Лобойко к Болховитинову сохранилось в полицейской копии [47]. В ИРЛИ находится черновик письма Лобойко к Болховитинову [34, л. 40], содержащий научную информацию (прежде всего о путешествии по славянским землям П. Кеппена). В ГПБ имеются два письма Болховитинова к Лобойко, относящиеся к 1822 г. [21].

Переписывался Лобойко также со знаменитым языковедом, одним из первых исследователей старославянского языка и памятников старорусского языка, одним из основоположников сравнительного изучения славянских языков А. Х. Востоковым (1781—1864). Сохранившиеся в Архиве АН СССР [10] и в ГБЛ [18] два письма Лобойко Востокову связаны с вопросом о передаче Н. П. Румянцеву собрания литовских древностей Д. Пошки.

Знакомство Лобойко с К. Ф. Калайдовичем (1792—1832), возможно, состоялось в 1822 г. при посредничестве З. Ходаковского. Во всяком случае, в феврале Лобойко просил Ходаковского познакомить его с К. Ф. Калайдовичем [24]. Содержание переписки Лобойко с этим известным археографом и историком, издателем Экзарха Болгарского и памятников словесности XII века, открывшим Изборник Святослава 1073 г., свидетельствует о научном неравенстве их положений. Лобойко может сообщить своему корреспонденту лишь различную информацию о своей преподавательской деятельности в университете, о лекциях по русской литературе, о процессе филоматов и репрессиях властей по отношению к профессорам и т. п. Если он писал о своих научных планах, то непременно указывал, что их осуществление он связывает с участием других профессоров. (Так, например, он сообщал о желании совместно с Лелевелем, Даниловичем и Бобровским издать летопись Нестора по Волинскому списку «с учеными объяснениями»). Деятельность издателя Экзарха Лобойко оценивал неизменно восторженно. Сохранилась переписка с Калайдовичем: 1) ГПБ — 5 писем Лобойко к Калайдовичу [20], 2) Архив АН СССР — два письма Калайдовича к Лобойко из Москвы и Киева, заключающие частные просьбы [2], ГПБ — два письма Калайдовича с данными о русских памятниках, сведениями о Ходаковском и Кеппене [21].

На письме Анастасевича от 15 декабря 1821 года, адресованном Кеппену, имеется приписка Лобойко: «Иван Николаевич Лобойко пе-

ред самым отъездом свидетельствует Петру Ивановичу душевное высокопочитание и просит усерднейше не забывать его письмами, наставлять и укреплять советами и внушениями на поприще нового его служения» [7, л. 15]. С Кеппеном (1793—1865) Лобойко познакомился, вероятно, в 1821 г. в Петербурге: в этом году он записал данные о себе в альбоме Кеппена [35, л. 51]. Кеппен писал Лобойко, а также обращался к нему как к посреднику. Так, через Лобойко он переслал Вильнюсскому университету свои труды в 1823 г. (протокол заседания совета университета от 15 декабря [13, стр. 547]). Переписка охватывала очень широкий и разнообразный круг вопросов: научная деятельность Кеппена (Лобойко писал о нем и публиковал отрывки из его писем в журнале «Dziennik Wileński»); славянские рукописи из виленских хранилищ; количество славянских народов; «размежевание границы» финского и русского языков; установление границ «литовских наречий и русского языка»; белорусский язык; славянские рукописи Кеппена и М. Бобровского; деятельность Ходаковского и т. д. В ГПБ хранятся 7 писем Кеппена к Лобойко [23], 9 писем Лобойко, адресованных этому известному слависту и этнографу находятся в Архиве АН СССР [8].

В Ягеллонской библиотеке в Кракове хранятся 10 писем Лобойко к И. Лелевелю (1786—1861). Письма написаны по-польски и относятся к периоду с 26/XI 1824 г. до 27/X 1829 г. [61, л. 442—462]. Письма эти носят в основном информационный характер (Лобойко сообщает, например, о судьбах профессоров университета после разгрома царским правительством общества филоматов: о М. Бобровском и И. Даниловиче; пишет о судьбах бывших студентов: А. Мицкевиче, Ф. Малевском, Ю. Ковалевском, о получении степени актуального студента Киприонасом Незабитаускисом, о работах проф. И. Снегирева, о своих занятиях, о том, что пишет историю русской литературы и русскую грамматику, о новых профессорах университета, заменивших Лелевеля и других изгнанных из университета профессоров и т. п.).

Тематикой части писем является научное посредничество, просьбы о напечатании статей, советы, куда направлять труды (Лобойко переслал Лелевелю рукопись Д. Пошки для напечатания, если представится возможность; посылал Лелевелю для оценки рукопись Снегирева о русских народных обрядах; он советовал Лелевелю направлять свои статьи М. Т. Каченовскому для Московского общества любителей древностей и т. п.).

Встречаем также просьбы Лобойко о советах и помощи (при оценке работ Шлёцера и Тунмана спрашивал он также о целесообразности перевода на русский язык хроники Гельмольда — «Chronica Slavorum» о западных славянах и т. п.)

Тон писем свидетельствует о преклонении Лобойко перед ученостью Лелевеля. Со слов своего брата, бывшего в Париже, Лобойко пишет о европейской славе Лелевеля. В письмах часто встречаем благодарности за присланные письма и советы.

С С. Б. Линде (1771—1847), знаменитым автором польского словаря («*Slownik języka polskiego*», 6 томов, 1807—1814), Лобойко познакомился в Варшаве в 1815 г. Он неизменно подчеркивал свое преклонение перед Линде, а также зависимость своих увлечений славянским языковедением от трудов и личного влияния Линде.

В Ягеллонской библиотеке хранятся 5 писем Лобойко к Линде [59, л. 195—198; 60, л. 111]. Одно из них было опубликовано в 1888 г. [68]. Содержание писем по преимуществу информационное (об издании в Петербурге журнала «Улей», об издании «Северного архива» и его издателя Ф. Булгарине, поместившем рецензию Лелевеля; сведения о петербургской научной жизни (письма 1817—1821 гг.), о планах Ходаковского; Лобойко приводит также библиографию собственных работ, доведенную до 1818 г.). Кроме того, в этих письмах встречаем просьбы о рекомендации и протекции: Лобойко просит для себя о содействии в получении кафедры в Вильнюсском университете; ходатайствует он также о Серно-Соловьевиче, который позже стал профессором русского языка в Краковском университете.

Эти пять писем, как и сохранившееся одно письмо Линде к Лобойко [3, л. 1, 1—об.], отражают все тот же климат переписки, который мы уже встречали в письмах к Лелевелю, Кеппену и другим ученым: Лобойко выступает как посредник и информатор, его корреспонденты помогают ему иногда советом или протекцией и тоже информируют о научных новостях.

Судя по письмам Лобойко к Румянцеву и Кеппену, а также по отрывку из письма Р. Раска (1787—1832), адресованного Лобойко, который последний поместил в журнале «*Dziennik Wileński*» можно предполагать, что в двадцатые годы имел место обмен несколькими письмами между Лобойко и европейски знаменитым языковедом. Хранящиеся в ИРЛИ воспоминания Лобойко [31, л. 3—4-об.] и черновик письма к Раску [34, л. 49] не заключают данных о чисто научных контактах.

По количеству писем и содержанию переписка с Н. П. Румянцевым (1754—1826) была самой обильной перепиской Лобойко. По-видимому, уже с 1817 г. он адресовал свои научные планы и письма известному меценату наук [18, 19]. Письма дают информационные сведения о многих фактах научной жизни того времени: об издании Ипатьевской летописи и белорусских грамот; о необходимости издания двуязычных словарей; об изданиях Литовского статута; об изданном К. Калайдовичем Экзархе Болгарском, о рукописях и старопечатных книгах, находящихся в Литве, о рассмотрении вопроса о славянских языках и т. п.

Письма Лобойко к Румянцеву содержат также ряд уникальных, не встречающихся в других документах сведений. Это данные о литовских деятелях культуры начала XIX века и об их произведениях [66].

Переписка Лобойко с Румянцевым сохранилась в следующих архивах: 1) Арх. АН СССР — два письма Румянцева к Лобойко (от 24 апреля и 15 мая 1822 г. [4]), 2) ЦГАДА — 26 писем Лобойко и 22 письма Румянцева за 1822—1825 годы, часть из которых опубликована [45, 53, 41, 66], 3) ИРЛИ — черновики писем Лобойко к Румянцеву [34, л. 7-об.], 4) Библиотека им. Ленина — копии двух писем (Лобойко к Румянцеву и Румянцев к Лобойко) [19].

С И. М. Снегиревым (1793—1868) Лобойко связывали не только научные, но и личные приятельские отношения. Он делился с ним жизненными планами, подробностями быта. Научная тематика, затронутая в переписке, в основном сводилась к следующим вопросам: построение курса русской литературы, русский фольклор, некоторые вопросы грамматики русского языка, деятельность московских журналов, проблемы лексикологии и лексикографии, палеографические вопросы. старославянский язык и его отношение к русскому языку, язык «Слова о полку Игореве», русские библиографические работы того времени и т. п.

В архиве АН СССР сохранилось 13 писем Снегирева и 6 писем Лобойко [5].

Лобойко был знаком с З. Д. Ходаковским (1784—1825) со времени первого приезда Ходаковского в Петербург в 1819 г. Он старался помочь Ходаковскому в хлопотах о субсидировании научного путешествия и разослал по его просьбе анкету с рядом вопросов по этнографии и ономастике [36]. Знакомство с Ходаковским отражено в записках Лобойко [33, л. 10-об.], а также в его заметках [32, л. 30-об.].

Одно письмо Ходаковского Лобойко опубликовал в журнале «Dziennik Wileński» [65, стр. 540—542], 10 писем Ходаковского к Лобойко и письмо Лобойко к Ходаковскому сохранились в ГПБ в двух фондах [24, л. 1—15 (собрание М. П. Погодина), 21].

Тематика переписки разнообразна: путешествие Ходаковского, русские диалекты, путешествие П. Кеппена, сбор сведений о границах распространения белорусского и литовского языков, путешествие М. Бобровского, белорусские песни из собрания Ходаковского, опубликованные Ширмой, Радзивилловский архив, язык литовских грамот и др.

В ИРЛИ находится черновик письма Лобойко к Ходаковскому [34, л. 10-об.-11], оригинал которого хранится в ГПБ.

Письма Лобойко к некоторым ученым за период до 1832 г. не сохранились, но имеются данные, что переписывался он с издателем памятников белорусского языка И. Григоровичем, с известным сербским ученым Вуком Караджичем [25], с проф. русского языка

Краковского университета А. Серно-Соловьевичем и др. О письмах к Григоровичу узнаем из изданной переписки И. Григоровича с Румянцевым [53], о возможных письмах к Караджичу — из письма Лобойко к П. Кепцену [8, л. 3-об.], о переписке с Серно-Соловьевичем — из письма Лобойко к Румянцеву [45].

Ряд бывших ранее неизвестными сведений о литовских деятелях культуры первого тридцатилетия XIX века можно почерпнуть из переписки Лобойко с литовскими учеными [38]. Связи Лобойко с русскими, польскими и зарубежными учеными способствовали знакомству этих ученых с литовским языком и литовской культурой, установлению научных контактов и делу библиографической информации.

* * *

Во время конкурса на кафедру русской литературы совету университета были известны некоторые сведения о научных контактах Лобойко. История конкурса представляет собой интересный эпизод в жизни старого университета, поэтому обратимся к хронологически последовательному рассмотрению отдельных этапов этого конкурса.

В 1819 г. профессор русской словесности И. Чернявский начал усиленные хлопоты о пенсии. Как видно из переписки попечителя Виленского учебного округа А. Чарторьского с ректором университета Ш. Малевским, оба они были озабочены вопросом о замещении освобождающейся кафедры [55, стр. 479, 487]. Чернявский, как сообщал ректор в письме от 1 марта 1820 года, не указывал еще конкретно, когда он оставит университет, и ставил свой уход в зависимость от размеров пенсии.

Преподаватель русской словесности Кременецкого лицея И. Александровский направил в университет прошение об определении его на место Чернявского [48, л. 45-об] и, вероятно, обратился с такой же просьбой и к министру просвещения, т. к. ректор в марте 1820 года сообщал Чарторьскому, что получил от министра письмо, рекомендуемое Александровского [55, стр. 501]. В 1819 году Ш. Малевский благосклонно относился к этой кандидатуре, как свидетельствует его письмо от 15/XII 1819 г. [55, стр. 487], но в 1820 году решено было провести на занятие кафедры конкурс [55, стр. 501].

В феврале 1820 г. университет ответил Александровскому, что Чернявский еще не ушел в отставку. 1 апреля того же года Чернявский попросил уволить его с 1 сентября и к маю составил программу конкурса на замещение кафедры. Программа была оглашена университетом и выслана попечителю [55, стр. 532]. Конкурсные работы надлежало представить к 1 марта 1821 года [49, л. I]. По этой программе в

конкурсной работе подлежали рассмотрению следующие вопросы: 1) история русской словесности, 2) жанры и виды русских литературных произведений, 3) преподавание русской словесности в университете, 4) русская история и ее преподавание в университете².

В протоколе отделения литературы и изящных искусств было записано, что автор должен обратить внимание в первую очередь не на общие риторички, а на конкретный анализ языка лучших русских авторов³.

23 марта 1821 года отделение рассмотрело три поступившие работы: две из Петербурга и одну из Кременца. Одна из них (кремenceкая) сразу же была отклонена, и к конкурсу были допущены только две [50, л. 34-об.], хотя Ш. Малевский и писал Чарторьскому, что все три достаточно хорошо написаны [55, стр. 603]. Оставалось двое претендентов на вакантную кафедру: Иван Николаевич Лобойко, служивший в то время в Петербурге в департаменте государственных иму-

² Полный текст программы гласил: «Программа для соискателей кафедры российской языка и словесности в Императорском Виленском университете. Императорский Виленский университет в силу 22 п. высочайше утвержденного своего устава, извещая об упраздненной в нем кафедре российского языка и словесности, предлагает желающим занять оную, доставить в университет свое сочинение, в котором бы изложено было: 1) начало российской словесности, ее возраст; ее изменения в ходе, с показанием времени и происшествий ей благоприятствующих или неблагоприятствующих, ее блистательнейшие периоды с присовокуплением на то доказательства, 2) в сочинении сем должно представить всеми общепринятые прозаические и стихотворные роды и виды находящиеся в российской словесности или нет; при сем можно слегка коснуться времени их появления, первоначальных, равно как и лучших в каждом роде российских писателей, 3) показать, в каких родах российская словесность приобрела важные успехи в сравнении с древнею и новейшею иностранною словесностью и в каких она отстает, при сем за нужное почитается изложение причин такого неравенства в их шестии, 4) начертать удобнейший и выгоднейший план преподавания российской словесности. Всякий соискатель кафедры, ежели у него находятся изданные или рукописные собственные сочинения, может и оные доставить в университет.

Профессор российской словесности будет преподавать в виде прибавочного курса частную историю российского государства, а поему соискатель сей кафедры обязан представить свое мнение о сей науке, ее обширности, пределах, возрасте, сочинителях по сему предмету и лучший метод ее преподавания. Лекции российской словесности и истории преподаваться будут на российском языке, однако ж требуется, дабы профессор непременно знал и латинский язык. Соискательное сочинение в университет препровождаемое равно как и запечатанный билет (содержащий в себе имя, прозвание, чин и должность сочинителя) означает произвольным девизом [...] 1820 апреля 1 дня. Вильно. Секретарь университета Норберт Юревич [15, л. 10].

³ „Autor rozprawy nie tak się ma rozszerzać nad prawidłami wynow y powszechniej [...], jako raczej nad przepisami szcze gólnie mowie rosyjskiej właściwemi, które się brać mają z uwag nad językiem, nad obyczajami i skłonnościami ludu nim mówiącego popierając je przykładami z dobrych pisarzy rosyjskich przytoczonymi lub tylko skazanymi [...]. Przyjęte będą chętnie dowody pięknego pisania wierszem, atoli uniwersytet woli przestawać na wzorach dobrze prozą pisanych jako rozleglejszych w użyciu. Sama rozprawa będzie służyła za próbę stylu dydaktycznego, do niej przylączy autor własne dzieła, jeśli jakie wydał, lub wzory własnej roboty stylu historycznego i wyższego, którym się maluje i obudza moc i żywość namiętności. Dla dopełnienia prawideł dobrego pisania może autor podać przepisy dobrego przekładania mowy cudzoziemskiej na ojczystą [52, л. 70, 70-об.].

ществ, и некто Покровский или Переславский⁴, чиновник департамента народного просвещения.

Еще в феврале 1820 г. было издано специальное постановление министра народного просвещения (№ 539 от 19 февраля 1820 г.), в котором говорилось, что «никто не может быть профессором, не быв прежде доктором, и адъюнктом, не имея звания магистра, кроме россиян и иностранцев, определяемых по особой известности в ученом свете» [51, л. 8]; на листе имеется приписка: «Wedle tego prawidła profesor Łobōjko został obrany profesorem nie mając żadnego stopnia». Это последнее условие и позволило Лобойко принять участие в конкурсе, хотя он не являлся ни доктором, ни адъюнктом.

Конкурсные сочинения были переданы профессорам отделения для ознакомления. На заседании 25 апреля Л. Боровский изложил содержание «сонскательных сочинений», а также свои замечания. Декан отделения предложил переслать в совет университета общие замечания, однако без окончательного суждения о сравнительных достоинствах представленных работ⁵.

Судьбами конкурса интересовались не только профессора, но и студенты Виленского университета. В феврале 1821 г. сын ректора Ф. Малевский писал А. Мицкевичу о двух работах, присланных на конкурс [57, стр. 173]. 11 марта Пелчинский сообщил из Петербурга Ю. Ежовскому, что на конкурс выслал свою работу Лобойко [57, стр. 210].

Лобойко поддержали рекомендациями С. Б. Линде⁶ и Н. П. Румянцев [56, стр. 234]. Линде писал ректору Ш. Малевскому 30 мая 1821 г.: „Stara się tam u panów o katedrę rosyjskiej literatury p. Iwan Łobojko, znam go⁶ [...] człowiek pełny najlepszej chęci, do Polaków przywiązany, literaturę rosyjską dobrze zna, w cerkiewnej nie obcy, w polskim może się wkrótce wydoskonalić [...]. Po niemiecku dobrze umie i bardzo jest czytany w tym języku.

Pewno Państwo nie mają lepszego w tym względzie kandydata, wybór jego byłby z pożytkiem dla młodzieży“ (копия письма Линде, [55, стр. 626]).

2 мая Ф. Малевский извещал А. Мицкевича, что избран будет Лобойко [57, стр. 285]. 4 мая тот же Малевский сообщал Ежовскому, что Лобойко признан лучшим кандидатом, но еще не избран [57, стр.

⁴ Лобойко в воспоминаниях называет его Покровским, а Ш. Малевский в письме к попечителю — Переславским.

⁵ Dziekan przełożył, aby oddział swoje uwagi ogólne i główniejsze rysy [...] podał pod rozagę Rady Uniwersytetu. Oddział złożony z większej liczby członków nie umiejących języka, przestając na rozbiórce uczynionym przez prof. Borowskiego [...] pozostał ogólne uwagi przez prof. Borowskiego uczynione przedstawić Radzie uniwersyteckiej do rozważania [52, л. 90].

⁶ Как мы уже указывали, Лобойко познакомился с Линде в Варшаве, где служил в 1815 году. Позже он вспоминал, что в Варшаве часто пользовался «наставлениями знаменитого ученого» [9, л. 4].

288]. Задержка объясняется вмешательством петербургских властей. Министр просвещения затребовал от университета присылки всех трех сочинений [49, л. 3]. Ян Снядецкий в письме к А. Чарторыскому горько сетовал на упадок университетского авторитета, приводя как иллюстрацию описываемый конкурс: «W biurze ministra ustanowił się trybunał na sążenie dysertacji konkursowych: kiedy nigdzie minister nie jest ani być powinien sędzią nauki». (Письмо от 15.X.1821, [56, стр. 234]).

Почему министерство в Петербурге решило вмешаться в дела конкурса и даже, нарушая устав университета, потребовать конкурсные работы для оценки, это поясняют воспоминания Лобойко⁷ и ряд архивных дел. Сначала выборы были отложены до 1 июня 1821 г. [55, стр. 606], а затем еще раз отсрочены. Ш. Малевский в сентябре 1821 г. писал А. Чарторыскому, что работа Лобойко находится еще в Петербурге и отдана на рецензию в Петербургский университет [55, стр. 669], а 19 сентября ректор сообщал попечителю, что нет еще решения министра, а также делился (привезенными из Петербурга Пеликаном) слухами об интригах другого претендента, которого Малевский называет Переславским и прибавляет: „Wyłoby szkodą wielką, żebyśmy nie otrzymali p. Łobojki“ [55, стр. 675]. Наконец, 6 октября Малевский пишет Чарторыскому, что, как Лобойко сообщил Пеликану, министр просвещения утвердил его кандидатуру [55, стр. 698]. 24 октября Малевский сообщил, что видел письмо Лобойко к Пеликану и что можно провести выборы 1 ноября: „My dopełnimy wybór, który zostanie u nas w protokole a przedstawimy o przeznaczenie mu kosztu na drogę na przyjazd do Wilna“ [55, стр. 724].

Большинство архивных материалов относит утверждение Лобойко в должности к 26 октября 1821 г. [49, л. 9; 46, л. 30; 14, стр. 10], хотя выборы тогда еще не были проведены, как видно из письма ректора.

Ко времени конкурса Лобойко успел опубликовать ряд статей⁸. Одну из них он выслал в мае 1821 г. в дар Виленскому университету [12,

⁷ И. Лобойко. Мой выезд из Петербурга [30, л. 13]. О ходе борьбы с конкурентом Лобойко вспоминал: «Какой-то Покровский, служа в департаменте народного просвещения, написал также соискательное сочинение для получения того места и старались опровергнуть мой выбор. Он склонил директора департамента передать соискательные сочинения на суд петербургского университета, оторвав от моего окончание ... За меня вступились Александр Федорович Воейков, будучи тогда докладчиком министра, и Андрей Иванович Бухарский, находясь тогда в Петербурге, помог мне уговорить Васяля Михайловича Попова обнаружить перед министром, князем Голицыным, проiski моего противника. После сего министр лично изволил объявить мне, что противнику моему он дать велел увольнение из департамента народного просвещения и что 26 октября 1821 г. утвердил меня ordinaryм профессором по выбору Виленского университета».

⁸ Приведем перечисление сочинений Лобойко из конкурсного дела: «Об училищах по методу Беля и Ланкастра», «О важнейших изданиях Герберштейновых записок о России», «Об источниках северной истории», «Иностранная словесность». «Древнейшие известия о янтаре на основании книги Богуша «O początkach narodu i języka litewskie-

стр. 583]. Хотя печатные статьи Лобойко посвящены многим вопросам, основное его внимание сосредоточивалось на славянской филологии. Об этом свидетельствует его записка, сохранившаяся в отделе рукописей библиотеки им. В. И. Ленина, «План научных занятий», написанная задолго до объявления конкурса в Виленском университете. В ноябре 1817 года Лобойко писал, что собирается заняться («следуя примеру господина Линде, возбудившему во мне привязанность к исторической филологии», изучением словаря Линде, работы Ф. Аделунга о сравнительном словаре Екатерины II, рассмотрением вопроса о славянских наречиях и описанием книг, «руководствующих к изучению различных славянских наречий», изучением работ Богуша и Лелевеля о литовском народе. Планировал он также составление описания известных источников для русской истории, собрание и систематизацию сведений о славянских народах. Лобойко, кроме того, собирался заняться историей Российской Академии и ее заслуг в истории, географии, этнографии, статистике, лингвистике, описании памятников [16]. В этом же году он написал записку «О намерении составить словарь древнего русского языка» [17]. Обе указанные записки свидетельствуют, что Лобойко хорошо ориентировался в современной ему научной литературе. Он выделял наиболее важные вопросы, подлежащие исследованию. Часто отдельные пункты его планов совпадали с планами, намеченными другими исследователями. Например, еще в 1806 году в письме о Тмутароканском камне А. Оленин писал о необходимости составления «полного собрания летописей и других древних известий о России (русских и иностранных)» [11, стр. 712]. Лобойко записал как один из пунктов подготовку к изданию «критического описания всех внутренних и иностранных источников, пособий, памятников и книг, относящихся к отечественной истории». Оленин указывал, что необходимо заняться древней русской географией, «основанной на ясных исторических доводах», развивать славянскую палеографию; Лобойко отмечал в одном из пунктов, что намерен изучить и издать в хронологическом порядке глоссарий слов, выбранных из летописей и древних рукописей, обратив особое внимание на географические названия и личные имена («наименования лиц, народов, рек, гор, лесов, областей, городов, урочищ и пр. [...]», разделив оные на слова славянского и неславянского происхождения).

Активизации научных интересов Лобойко способствовало его участие в петербургском «Вольном обществе любителей российской сло-
го»; «Известия об ученой жизни покойного Гонорского», «Взгляд на древнюю словесность скандинавского севера». Печатался Лобойко в журналах «Соревнователь просвещения и благоденствия», «Сын отечества», в «Журнале императорского человеколюбивого общества» [49, л. 5]. Кроме перечисленных выше статей, как указывает П. Кеппен, Лобойко издал в Петербурге (или только перевел) в соавторстве с неустановленным лицом одну немецкую работу [6].

весности». Сотрудничал он также в журнале «Соревнователь просвещения и благотворения». Лобойко можно упрекнуть в излишней широте планов, превосходивших его возможности, но ему нельзя отказать в начитанности и эрудиции в языкознании, литературоведении и истории.

В своей конкурсной работе Лобойко не придерживался строго программы, составленной И. Чернявским: как свидетельствует отраженный в протоколе отделения отзыв Л. Боровского, работа Лобойко заключала среди прочих также следующие разделы: *Myśli o sposobie dawania języka rosyjskiego i literatury dla młodzieży polskiej*“, 2) *„myśli o sposobie dawania historii szczególnej państwa rosyjskiego“*“, 5) *„... ogólny rys w całej obszerności historii literatury ruskiej, podciągając do tego wszystkie rodzaje literatury i historię rosyjską. Tu następuje ważna część rozprawy o literaturze ruskiej, o jej początku, wzroście, postępach i udoskonaleniu w przeciągu rozlicznych lat i odmian miejscowych odszernego narodu [...]“* 6) *„W dodatku oddzielnym jest wpisana tablica słów języka rosyjskiego w porównaniu ich oprócz greckiego i łacińskiego z litewskim, serbskim, wendyjskim, samskrytским, małorosyjskim itd. Na tem się kończy rozprawa“*. [50, л. 45, 45-об., 46]

Сочинение соперника Лобойко состояло только из двух частей: *„[...] jedna daje obraz rosyjskiej literatury, druga zaś kreśli rysy historii ruskiej. W pierwszej [...] opisuje historię i charakter rosyjskiego języka właściwy też i innym dialektom słowiańskim. Daje znamiona epok literatury rosyjskiej [...] Do tej części przyłączone są uwagi o porządku wykładania literatury rosyjskiej. W drugiej części po uczynionym wstępie jest mowa o ważności historii ruskiej, o jej obszerności, źródłach i literaturze, na koniec o sposobie jej dawania“*. [50, л. 46].

К сожалению, тех глав конкурсной работы Лобойко, которые относились к русской литературе, нам обнаружить не удалось. В архиве ИРЛИ сохранились лишь записки под названием «О языкознании» [28]. Они представляют собой третью и четвертую главы конкурсного сочинения Лобойко (об этом свидетельствует девиз на рукописи «*Agó Deo Gratias*» и запись в протоколе отделения, что работа Лобойко поступила именно с этим девизом). В архиве ИРЛИ сохранились материалы по истории русской литературы [27] и по методике преподавания русского языка [29] более позднего происхождения.

Хотя конкурсное сочинение Лобойко в его литературной части и не сохранилось, все же на основании отзыва Л. Боровского можно сказать, что работа содержала историю русской литературы, начиная от литературы Киевской Руси (пункт 5 отзыва Боровского говорит об изложении истории русской литературы «от ее начала»), сведения не только о русской литературе, но и о литературе южной и юго-западной Руси (Боровский отмечает, что Лобойко приводит данные о раз-

JASŃNIE WIELMOŻNEMU

JANOWI

ŁOBOYKOWI

**PROFESOROWI UNIWERSYTETU WI-
LENSKIEGO I KAWALEROWI**

**W DOWÓD NATYGLĘSZEJ SZACUNKU
I UPWAŻNIENIA**

SKŁADA

K..... N.....

Zmudzin.

К. Незабитаускис. Посвящение книги И. Н. Лобойко.

личных эпохах развития русской литературы, и о «ее местных разновидностях»), обзор произведений русских писателей по жанрам, а также методические замечания о специфике преподавания русской литературы местной молодежи.

Последующая деятельность Лобойко в качестве профессора русской литературы в старом Вильнюсском университете, его богатый фактическими данными курс [37], также его широкие научные контакты свидетельствуют о правильности выбора университетского совета во время конкурса 1821 года.

Вильнюсский пединститут

Сентябрь, 1971

Использованные источники

1. Арх. АН СССР, Р IV, оп. 52, № 2
2. Арх. АН СССР, Р IV, оп. 52, № 3
3. Арх. АН СССР, Р IV, оп. 52, № 5
4. Арх. АН СССР, Р IV, оп. 52, № 7
5. Арх. АН СССР, Р IV, оп. 52, № 9
6. Арх. АН СССР, ф. 30, оп. 1, № 345 «Е»
7. Арх. АН СССР, ф. 30, оп. 3, № 4
8. Арх. АН СССР, ф. 30, оп. 3, № 352
9. Арх. АН СССР, ф. 88, оп. 2, № 49
10. Арх. АН СССР, ф. 108, оп. 2, № 51
11. С. К. Булич. Очерк истории языкознания в России, СПб, 1904
12. ВГУ, F—2, KC—193
13. ВГУ, F—2, KC—194
14. ВГУ, F—2, KC—206
15. ВГУ, F—2, KC—372
16. ГБЛ, Р. О., оп. 12, № 34
17. ГБЛ, Р. О., оп. 12, № 35
18. ГБЛ, ф. 255, картон 8, № 28
19. ГБЛ, ф. 255, картон 18, № 34/4. 34/5
20. ГПБ, ф. 328, № 393
21. ГПБ, ф. 440, № 2
22. ГПБ, ф. 440, № 3
23. ГПБ, ф. 440, № 8
24. ГПБ, ф. 588, оп. 4, № 78
25. Г. Добрашинович. Вук и Руси. Београд, 1964
26. Журнал министерства народного просвещения, 1887, ч. 253
27. ИРЛИ, ф. 154, № 7
28. ИРЛИ, ф. 154, № 21
29. ИРЛИ, ф. 154, № 22
30. ИРЛИ, ф. 154, № 39
31. ИРЛИ, ф. 154, № 40
32. ИРЛИ, ф. 154, № 42
33. ИРЛИ, ф. 154, № 55
34. ИРЛИ, ф. 154, № 103
35. ИРЛИ, 10. 102, LX, б, 24
36. А. Каупуж. З. Доленга-Ходаковский и И. Н. Лобойко, «Советское славяноведение», 1968, № 5

37. А. Каупуж. Проблематика экзаменационных вопросов по русской литературе в старом Вильнюсском университете в 1822—1832 годы, «Литература», XII(2), Вильнюс, 1969.
38. А. Каупуж. Некоторые дополнительные сведения о литовских деятелях культуры начала XIX в. в письмах проф. русской словесности Виленского университета П. Н. Лобойко, «Литература», VI, Вильнюс, 1963.
39. Ю. Х. Копелевич, В. Л. Ченакал, Г. Ф. Стендер и Петербургская Академия, Научные связи Прибалтики в XVIII—XX веках», Рига, 1968.
40. Д. Сперанский. Ученая деятельность Е. Болховитинова, митрополита киевского, «Русский вестник», 1885, № 4, 5, 6.
41. В. И. Срезневский. Переписка А. Х. Востокова, «Сборник статей отдела русского языка и словесности», т. V, вып. 2, СПб, 1873.
42. Я. П. Страдынь. Роль Прибалтики в развитии научных контактов между Россией и странами северо-западной Европы в XVIII—XX веках, «Научные связи Прибалтики в XVIII—XX веках», Рига, 1968.
43. В. А. Францев. Польское славяноведение конца XVIII — первой четверти XIX ст., Прага, 1906.
44. Б. Хмельевский. О научных связях Петербургской Академии наук со старым Вильнюсским университетом, «Научные связи Прибалтики в XVIII—XX веках», Рига, 1968.
45. ЦГАДА, ф. 17, № 61-доп.
46. ЦГИАЛ, ф. 733, оп. 62, № 1032.
47. ЦГИАЛ, ф. 735, оп. 10, № 94.
48. ЦГИА Лит. ССР, ф. 721, оп. 1, № 45.
49. ЦГИА Лит. ССР, ф. 721, оп. 1, № 51.
50. ЦГИА Лит. ССР, ф. 721, оп. I, № 1114.
51. ЦГИА Лит. ССР, ф. 721, оп. I, № 1111.
52. ЦГИА Лит. ССР, ф. 721, оп. I, № 1121.
53. Переписка протоиерея И. Григоровича с графом Н. П. Румянцевым, «Чтения Московского общества истории и древностей», 1864, кн. 2.
54. Е. Шмурло. Митрополит Евгений как ученый, СПб, 1888.
55. Archiwum im. Czartoryskich, Ew. 3172.
56. Archiwum im. Czartoryskich, Ew. 3255.
57. Archiwum Filomatów, cz. 1, Korespondencja, wyd. J. Czubek, t. 3, Kraków, 1913.
58. Н. Баргъ. Stosunki Litwy z Uniwersytetem Krakowskim w czasach porozbiorowych, [w:] Pamiętnik Powszechnego Zjazdu Historyków Polskich w Wilnie, Lwów, 1935.
59. Biblioteka Jagiellońska, rękopis № 3468.
60. Biblioteka Jagiellońska, rękopis № 3475.
61. Biblioteka Jagiellońska, rękopis № 4435, t. 3.
62. J. Bieliński. Stosunki Królewskiego Uniwersytetu Warszawskiego z Cesarskim Wileńskim, [w:] Znad Wilii i Niemna, Wilno, 1906.
63. J. Bieliński. Uniwersytet Wileński, t. 3, Kraków, 1899—1900.
64. W. Charakiewicz. Bez steru i busoli. Alma Mater Wilnensis, Wilno, 1929, № 8.
65. „Dziennik Wileński“, 1822, t. 1.
66. А. Каупужа XIX а. pradžios Lietuvos kultūros veikėjai pagal prof. J. N. Lobjkos susirašinėjamą su N. P. Rumiancevu, muziejaus steigėju, Literatura, X, Vilnius, 1967.
67. Z. Kondratas. Vilniaus universiteto ryšiai su Rusijos aukštojo mokslo įstaigomis XIX amž, Iš Vilniaus universiteto istorijos, straipsnių rinkinys, Vilnius, 1955.
68. Aus S. B. Lindes Briefmappe, wyd. K[arol] J. Petelenz. [w:] Sprawozdanie dyrektora gimnazjum ś. Jacka w Krakowie za rok 1888.
69. M. Szyjkowski. Filomaci w Pradze, „Pamiętnik Literacki“, 1935, № 1—2.